

003062947

На правах рукописи

Куликова Злата Павловна

**ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИВНОСТИ
И ГАРМОНИЗАЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
М. ЦВЕТАЕВОЙ И Р.М. РИЛЬКЕ**

Специальности 10 02 19 – теория языка,
10 02 20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

17 МАЙ 2007

Ростов-на-Дону – 2007

Диссертация выполнена на кафедре русского языка и культуры речи
Педагогического института ФГОУ ВПО «Южный федеральный
университет»

Научный руководитель –	доктор филологических наук, профессор Гаврилова Галина Федоровна
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Чесноков Петр Вениаминович доктор филологических наук, доцент Фанян Нелли Юрьевна
Ведущая организация –	Армавирский государственный педагогический университет

Защита состоится «25» мая 2007 г в 15 ч на заседании
диссертационного совета Д 212 208 17 по филологическим наукам в
Педагогическом институте ФГОУ ВПО «Южный федеральный
университет» по адресу 344082, Ростов-на-Дону, ул Большая Садовая,
33, ауд 202

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Педагогического института ФГОУ ВПО «Южный федеральный
университет»

Автореферат разослан «25» апреля 2007 г

Ученый секретарь
диссертационного совета

Григорьева Н О

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Описанию повтора в современном языкознании уделяется значительное внимание. Для поэтического языка повтор является одним из наиболее характерных приемов. Повтор универсален по своей природе, он обладает достаточной экспрессивностью и эмоциональностью, используется для воспроизведения оценки изображаемых автором явлений действительности и одновременно способствует усилению выразительности и изобразительности речи, воздействуя на эмоционально-волевую сферу человека.

Актуальность темы данной диссертации обусловлена несколькими факторами. В современной лингвистике повтор справедливо считается многоаспектным, сложным и разнофункциональным явлением. За последние десятилетия в отечественной науке накоплен обширный материал в области его изучения, нуждающийся в обобщении. До сих пор, несмотря на стабильный интерес к проблеме повтора, отмечается недостаточная разработанность вопроса о нём как одном из элементов идиостиля поэта. Сопоставительное изучение различных видов повтора в поэзии М. Цветаевой и Р. М. Рильке как средства гармонизации их поэтического текста ни разу не становилось предметом системного компаративного анализа. Создание единой классификации повтора, выявление его функциональных особенностей в русскоязычной и немецкоязычной поэзии – всё это, несомненно, актуально.

Объектом диссертационной работы избран повтор в поэтических произведениях М. Цветаевой и Р. М. Рильке, русскоязычного и германоязычного авторов.

Материалом для исследования послужило около 3000 примеров повтора, извлеченных из поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке методом сплошной выборки.

Предметом диссертационного исследования является проблема структуры, семантики, функционирования и типологии языкового повтора как гармонизирующего, экспрессивного, актуализирующего и композиционного средства в поэтических произведениях М. Цветаевой и Р. М. Рильке, представленных в аспекте сопоставления.

Цель настоящей работы – многоаспектное изучение разновидностей повтора и его функций в поэзии М. Цветаевой и Р. М. Рильке с учётом разноуровневых средств его выражения.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- 1) выявить и системно представить разновидности повторяющихся единиц всех уровней языка в поэзии М. Цветаевой и Р. М. Рильке,

- 2) установить особенности повторяющихся единиц, релевантные для эстетичности и музыкальности поэтических текстов М Цветаевой и РМ Рильке,
- 3) определить функциональные особенности видов повтора, использованных в поэтических произведениях М Цветаевой и РМ Рильке, как важного гармонизирующего средства идиостиля обоих поэтов,
- 4) провести комплексный сопоставительный анализ структуры, семантики и употребления языкового повтора в поэтических текстах М Цветаевой и РМ Рильке и объяснить различия особенностями идиостиля писателей и/или типологией русского и немецкого языков

Методология и методы исследования. Методологической базой при решении поставленных в диссертации задач послужили основные положения материалистической диалектики о всеобщей связи явлений, об отношении языка к действительности, о единстве и борьбе противоположностей В соответствии с общефилософскими принципами историзма, системности и детерминизма язык представляется как материальная, объективная и динамическая система

Общенаучными основами исследования послужила теория структурно-семантической, функциональной лингвистики и стилистики, работы ВВ Виноградова, ГО Винокура по теории поэтической речи, ЕМ Галкиной-Федорук о соотношении эмоционального и экспрессивного в языке и речи, ИИ Ковтуновой, ОГ Ревзиной, ВВ. Леденёвой и др о разграничении понятий идиостиля и идиолекта

Частнонаучную основу составляют идеи ЮМ. Лотмана, РО Якобсона, МЛ Гаспарова, впервые рассмотревших повтор как равноуровневое средство языка, результаты исследований ВА Кухаренко, НТ Головкиной, ЕА Иванчиковой, ЛВ Зубовой, ТН. Акимовой и др , в которых предлагается подробное описание видов повтора, их функциональных особенностей и сферы употребления, а также работы В Швейцер, ЛВ Феймер, ВГ Адмони, ЛВ Зубовой, ОГ Ревзиной об особенностях поэтики М Цветаевой и РМ Рильке

Объект исследования – приём повтора в поэтических текстах М Цветаевой и РМ Рильке – определил метод лингвистического описания в качестве основного При изучении поэтического материала, представленного на двух языках, в работе использован компаративный анализ Кроме того, были применены метод компонентного анализа, метод статистического подсчёта, в ряде случаев к материалу применялся комплексный, филологический подход

Основные положения, выносимые на защиту:

1 Типология языковых повторов, присутствующих в поэтических текстах М Цветаевой и Р М Рильке, основана на противопоставлении двух разновидностей – явного и неявного повторов К явному, или материально выраженному, относится фонетический, словообразовательный, лексический, синтаксический повтор Неявный, или материально не выраженный, повтор предполагает повторение основной семантики слов Это повтор семантический, который строится на неоднократном употреблении слов, связанных синонимическими, антонимическими, гиперо-гипонимическими отношениями, отношениями семантической производности и несовместимости

2 В поэтических текстах М Цветаевой и Р М Рильке релевантными оказались следующие особенности повторяющихся единиц частотность их употребления, контактное / дистантное расположение и порядок их следования, принадлежность их к фонетической, словообразовательной, морфологической, лексико-семантической или синтаксической парадигме, стилистическая маркированность

В области морфологии и синтаксиса существенны данные о частеречной принадлежности повторяющихся единиц, распространении повторяющейся единицы, ее синтаксической роли, изменении семантики повторяющейся единицы, о вхождении её в состав тропов и фигур

3. В поэтических текстах М Цветаевой и Р М Рильке повтор, кроме постоянных функций усиления и актуализации смысла ключевого понятия или высказывания в целом, выполняет следующие функции функцию гармонизации стиха, изобразительно-выразительную (экспрессивную), ритмо- и рифмообразующую, композиционную, смыслообразующую, а также участвует в передаче новой информации, выступает как средство языковой игры Анализ повтора в произведениях разноязычных поэтов показал его как поэтический прием, в принципе, имеющий универсальный характер

4 Повтор в поэзии М Цветаевой и Р М Рильке является разноуровневым и многофункциональным Различие в употреблении ими повторов наблюдается в преобладании индивидуально излюбленного поэтом вида повтора (так, на 100 строк поэтических текстов М Цветаевой фонетических повторов приходится 70, лексических – 33, у Р М. Рильке их 14 и 37 соответственно) либо объясняется типологическими особенностями русского и немецкого языков (в частности, различием в звуковой системе языков, в системе падежных окончаний и глагольных форм, в специфике порядка слов и т. д.)

Научная новизна работы В исследовании впервые рассмотрены разновидности языкового повтора с точки зрения разноуровневых средств его выражения и как один из показателей идиостиля М Цветаевой и Р М

Рильке, проведен статистический анализ количественного соотношения разных видов повтора в поэтических текстах обоих авторов, представлено комплексное сопоставительное описание специфики, структурного, семантического своеобразия и функционирования видов повтора как экспрессивного, актуализирующего, гармонизирующего и композиционного средства в поэтических произведениях М Цветаевой и в поэзии РМ Рильке

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в результате исследования материала внесён известный вклад в теорию языка, сопоставительное, типологическое языкознание, а также в разработку теории языкового повтора; сделаны обобщения, характеризующие специфику повтора как одного из показателей идиостиля поэтов, сделана попытка объяснить условия выбора и употребления писателем определённого вида повтора не только авторской манерой, но и типологическими особенностями языка, на котором писали поэты. Методы и приемы, разработанные в диссертации, могут быть использованы при дальнейшем сопоставительном анализе специфики и функций повторов в разноязычных художественных текстах писателей и поэтов

Практическая ценность диссертации состоит в возможности использования ряда теоретических положений и выводов, содержащихся в данном научном исследовании, в лекционных курсах «Теория языка», «Сопоставительное языкознание», «Стилистика современного русского языка», «Стилистика современного немецкого языка», «Риторика», «Лингвистический анализ художественного текста», «Филологический анализ текста», «Сравнительная типология русского и немецкого языков», в разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных теории перевода и изучению особенностей поэтического языка М Цветаевой и РМ Рильке. Эмпирический языковой материал может быть использован при составлении сборников упражнений по дисциплинам лингвистического цикла. Результаты диссертационного исследования могут быть применены в практике школьного и вузовского преподавания русского языка, немецкого языка, словесности.

Апробация работы. Основные теоретические положения и выводы диссертации отражены в четырех научных публикациях. Фрагменты её содержания были представлены в докладах и обсуждались на всероссийской научной конференции «Функционально-системный подход к исследованию языковых единиц разных уровней» (Ростов-на-Дону, РГПУ, 2004г) и на международной научной конференции «Язык Дискурс Текст» (Ростов-на-Дону, РГПУ, 2005г)

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и двух приложений (“Классификация видов повтора по уровням языка”, “Количественное соотношение различных видов повтора в поэзии М Цветаевой и Р. М Рильке”)

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, обозначаются объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются теоретико-методологические основы исследования, выполненного в рамках теории поэтической речи и теории идиостилия, определяется научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту, отмечаются теоретическая значимость и практическая ценность работы

В главе 1 «Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтической речи» раскрываются особенности поэтического языка начала XX века, характеризуется поэтика М Цветаевой и Р. М Рильке, описывается сущность повтора с точки зрения категорий гармонизации и экспрессивности в идиостиле данных поэтов, излагается история вопроса, а также предлагается единая классификация и рассматриваются функции повтора в поэтических текстах М Цветаевой и Р. М Рильке

В начале XX в происходит обновление поэтического языка, связанное с появлением многочисленных литературных направлений, новых поэтических систем А Блока, А Белого, М Цветаевой и др. Поэтический голос М Цветаевой по праву называют вершиной русского модернизма. Он ознаменовал появление в литературе XX века особой поэтики, особой разновидности стиха, характеризующегося новыми ритмами и интонациями

Р. М. Рильке – старший современник М Цветаевой, в поэзии которого обнаруживаются новые черты поэтической речи для поэта: взаимосвязь вещей, явлений, предметов образует единство всего сущего, такая взаимосвязь и появление смысловых сдвигов влияют на формирование речевой ткани его поэтических текстов

Экспрессивность поэтического языка М Цветаевой и Р. М Рильке обусловлена использованием ими многочисленных изобразительно-выразительных средств. Одним из главных источников экспрессии языка обоих поэтов является повтор – это стилистическое средство, специфика которого заключается в неоднократном употреблении единицы определенного лингвистического уровня или сразу нескольких уровней

Повтор с точки зрения категории экспрессивности является не только важным структурным средством, организующим художественное произведение, но и смысловым, способствующим появлению новых

возможностей интерпретации слова или словосочетания, а также эстетическим, способствующим гармонизации Горизонтальный и вертикальный повторы как основа гармонической организации поэтического текста призваны «привести все его содержательные компоненты к целостности, единству и красоте» (Штайн, КЭ Гармония поэтического текста Склад Ткань Фактура [Текст] / КЭ Штайн – Ставрополь, 2006 – С 21)

Принимая во внимание особенности повтора как экспрессивного и гармонизирующего средства, целесообразно рассматривать его в качестве одного из основных элементов идиостиля М Цветаевой и Р М Рильке В-первых, высокая частотность употребления повтора в поэтических текстах М Цветаевой и Р М Рильке указывает на неслучайный выбор ими этого стилистического приема Во-вторых, М. Цветаева и Р М Рильке не ограничиваются каким-то определенным видом повтора в их поэтических произведениях используются виды повтора единиц всех уровней языка Наконец, повтор в поэзии М Цветаевой и Р М Рильке многофункционален, а значит, направлен на решение задач поэтов, касающихся и плана содержания, и плана выражения идеи поэтического произведения

Таким образом, все виды повтора как экспрессивного и гармонизирующего средства призваны обеспечивать структурную и смысловую законченность поэтических произведений М Цветаевой и Р М Рильке

Несмотря на стабильный интерес к проблеме языкового повтора, до сих пор не существует единой его классификации Опираясь на работы Ю М Лотмана, Н Т Головкиной, В А Кухаренко, Л В Зубовой и других исследователей, а также собственный анализ, мы разработали классификацию видов повтора согласно их отнесённости к уровням языка, которой и пользуемся при исследовании проблемы повтора в произведениях М Цветаевой и Р М. Рильке

В главе 2 «Феномен повтора в поэтических текстах М. Цветаевой» рассмотрены разновидности языкового повтора с точки зрения разноуровневых средств его выражения как один из показателей идиостиля М Цветаевой

Поиск основ всего сущего, поиск смысла жизни определили самобытность поэзии и своеобразие стилистики М Цветаевой, одной из основных черт которой являются разные виды повтора, в том числе и фонетический Практически каждое стихотворение поэта представляет собой как сочетание нескольких видов звукового повтора, так и взаимодействие звукового повтора с повторами других уровней языка В таком случае имеет место комплексный повтор

Артикуляционно-ассоциативный повтор как одна из разновидностей фонетического повтора имеет в своей основе произвольную фонетически мотивированную связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата В стихотворении “Плач цыганки по графу Zubову” (1923) М Цветаева использует повторение звука [y] для передачи женского плача *У – ехал парный мой, / У – ехал в армию! / У – пал, ударный мой!*

Налицо сочетание фонетического и структурно-семантического повтора (отсечение приставки графическим способом – дефисом) В результате приставка фактически превращается в самостоятельное слово Повторяющаяся анафорическая позиция слов *уехал, упал* и раздельное написание приставки *у* с данными глаголами только усиливают впечатление душевной тяжести любящей женщины, указывают на монотонность и непрерывность ее плача Такая оформленность языковых единиц позволяет М Цветаевой не просто симитировать звуки плача вертикальное написание *у* как самостоятельного звука и как части слова одновременно говорит о воспроизведении наших звуковых представлений средствами языка, об ассоциативном оживлении, повтор лабиализованного медленного, глубокого гласного [y]-*ехал* характеризует в одно и то же время и отъезд графа, и страдание и плач цыганки

Аллитерация – самый распространенный тип звукового повтора Это объясняется доминирующим положением согласных в фонетической системе русского языка, те именно они играют в языке основную смысловозначительную роль Используя аллитерацию, М Цветаева максимально обогащает смысловую стержень стихотворения, где не только слова, но и звуки становятся значимыми *Здесь, меж вами дамами, деньгами, дымами, / Дами, Думами* (Эмигрант, 1923), – *О бытие! Глоток / Горячего грога на сон грядущий* (Через снега, снега , 1916) – сочетание горизонтального и вертикального повтора В стихотворении “Думали – человек!” (1916), посвященном А Блоку, М Цветаева усиливает ощущение скорби по великому поэту, повторяя анафорический смычно-шелевой [ч]: *Черный читает чтец*

В поэзии М Цветаевой фонетический повтор, основанный на паронимии, придает стихотворению не только особую лиричность, напевность, но и расширяет смысловые связи за счёт столкновения слов-паронимов, создает эффект неожиданности, становится выразительным средством стилистической системы данного автора *Не любовницей – любимицей / Я пришла на землю нежную* (Вячеславу Иванову, 1920), *Как хорошо мне под луной – / С нелюбящим и нелюбимым* (Глаза участливой соседки, 1920)

Функциональное своеобразие словообразовательного повтора в поэзии М Цветаевой строится на соположении и обыгрывании одной и той же морфемы с целью актуализировать как ее значение, так и значение всего слова в целом Повторы слов, одинаковых по морфемной или словообразовательной структуре, являются средством интенсификации и усиления

Из ряда *корневых* повторов выделяются *повторы однокоренных слов с семантическими различиями* Это повторы этимологически родственных, но разошедшихся в значении слов *Черный читает чтец, / Топчутся люди праздные / Мертвый лежит певец / И воскресенье празднует* (Думали – человек!, 1916)

Сема “не занятый, без дела” содержится в значении обоих слов, но прилагательное *праздный* утратило сему кратковременности, характерную для глагола *праздновать*, т е быть “ничем не занятым вследствие торжества, которое длится один или несколько дней” (Ожегов, С И, Шведова, Н Ю Толковый словарь русского языка [Текст] / С И Ожегов, Н Ю Шведова. – М, 1996 – С 567) и приобрело негативный оттенок в значении *праздный* значит пребывающий без полезного занятия, ведущий бесцельный образ жизни

Повторение слов одной части речи с одинаковыми суффиксами иногда связано с образной системой поэтического произведения, с желанием автора оказать большее эмоциональное воздействие на читателя *Суффиксальный* повтор может быть основой стилистической фигуры гомеоптотона, скопления слов с разными корнями, но совпадающими суффиксами Так, в стихотворении “Коли милым назову – не соскучишься” (1916) М Цветаева создает образ лирической героини за счёт скопления существительных, образованных по одной словообразовательной модели при помощи суффикса *-ниц (-иц)* со значением лица женского пола *Коль по улице плыву – бабы морщатся / Плясовницею слыву, да притворщицей / А немилый кто взойдет, да придвинется – / Подвинется весь народ – что за схимница, / Филли ухнет – черный кот оцетинится, / Будешь помнить целый год – чернокнижницу / Плясовница только я, да свирельница / Царь-Девичею живу, беззаконницей!*

Как правило, все слова в гомеоптотоне являются семантически близкими друг другу Однако противоречивость данного лирического образа М Цветаева подчёркивает антитезой, заложенной в значении корней *схима* – “в православии монашеский обет вести особо суровый, аскетический образ жизни” (Ожегов, С И, Шведова, Н Ю Толковый словарь русского языка [Текст] / С И Ожегов, Н Ю Шведова – М, 1996 – С 771), *схимница* соответственно монахиня, принявшая схиму, *чернокнижие* – “в старину колдовство, основанное на общении с нечистой

силой, с дьяволом, посредством так называемых чёрных книг” (Там же, с 869), *чернокнижница* соответственно колдунья, *беззаконница* значит живущая в разрез с общепринятыми законами, порядком Интересно, что, полагаясь на данную словообразовательную модель, М Цветаева дополняет ряд узуальных существительных окказиональными *плясовница* и *свирельница* характеризуют лирическую героиню как беззаботную, веселую женщину, любящую музыку и танцы и, вероятно, живущую одним днем, чем вызывает явное недовольство окружающих Таким образом, главная героиня предстаёт перед читателем в нескольких качествах деревенские бабы считают ее легкомысленной, неискренней (“*плясовница*”, “*притворщица*”), все остальные люди в деревне думают о ней как о монашке, ведущей аскетический образ жизни (“*схимница*”), для нелюбимого она загадочная, непредсказуемая женщина, колдунья (“*чернокнижница*”), себя же она противопоставляет окружающим, считая свободной, весёлой, счастливой женщиной (“*плясовница*”, “*свирельница*”, “*Царь-Девница*”, “*беззаконница*”) Благодаря использованию гомеопотопа, М Цветаевой удалось раскрыть в поэтическом произведении малого объёма (4 строфы) не только характер главной героини, но и целую жизненную ситуацию непростых взаимоотношений между людьми.

Формообразующий повтор строится на обыгрывании однокоренных членов грамматической оппозиции 1) форм единственного и множественного числа существительных *Невозвратна как время, / Но возвратна как вы, времена / Года* (Поменявши на стремя, 1925), 2) форм глагольного времени *Где их никто не брал и не берет!* (Моим стихам, написанным так рано, 1913), 3) форм глагольного вида *Не умереть, а умирать хочу* (Пригвождена к позорному столбу, 1920), 4) форм активного и пассивного залога причастий *Здесь свет, потирающий цвет / Цвет, попраный светом* (Не краской, не кистью!, 1922) и др

Лексический повтор в поэзии М Цветаевой является наиболее распространённым Лексический повтор усиливает значение слова, акцентирует на нём внимание читателя, влияет на эмоциональную окраску всего поэтического произведения Лексический повтор является ещё и звуковым, поскольку наряду с лексическим значением слова всегда повторяется его фонетический облик

Несомненное большинство в группе лексических повторов составляют контактные / дистантные повторы *имени существительного* в именительном или косвенных падежах В этом случае имеет место такой приём, как *полиптоп* (игра форм словоизменения) *Уж ветер стелется, уже земля в росе / Уж скоро звездная в небе застынет вьюга, / И под землю скоро уснем мы все, / Кто на земле не давали уснуть друг другу* (Я знаю правду! Все прежние правды – прочь., 1915)

Используя лексический повтор, автор может расширить смысловые рамки стихотворения. Речь идет о метафорических переносах. Два *солнца* стынут, – о господи, пощади! – / Одно – на небе, другое – в моей груди / Как эти *солнца*, – прошу ли себе сама? – / Как эти *солнца* сводили меня с ума! (Два солнца стынут, – о господи, пощади!, 1915). Совмещение прямого и метафорического обозначения проявляется в одновременной актуализации двух значений единого слова-образа солнце – “небесное светило” (прямое значение) и солнце – “сердце” (переносное метафорическое значение). Соединяя воедино оба значения, поэт также передаёт читателю силу, полноту чувства, которое испытывает лирическая героиня – любовь горячее солнца.

Глагольный повтор может быть избран М. Цветаевой с целью создания языковой игры *Кача* – “живет с сестрой” – / *ются* – “убил отца”! – / *Качаются* – *тицетой* / *Накачиваются* (Читатели газет, 1935). При помощи необычного оформления строфы (путём помещения между частями одного слова нескольких цитат какого-то сообщения) М. Цветаевой удалось передать эффект качки во время быстрой езды в метро и впечатление мелькания строчек газетной статьи перед глазами. Таким образом, повторяя и “разрывая” глагол *качаются* с лексическим значением “передвигаться из стороны в сторону, колебаться” (Ожегов, С И, Шведова, Н Ю Толковый словарь русского языка [Текст] / С И Ожегов, Н Ю Шведова – М, 1996 – С 265), поэт одновременно и создаёт видимость такого колебания, и актуализирует название стихотворения – “Читатели газет”.

Функциональные особенности семантического повтора в поэзии М. Цветаевой заключаются в создании альтернативной характеристики названного повторно предмета, признака, действия. Использование различных видов семантического повтора в поэтическом произведении позволяют М. Цветаевой избежать иллюзии избыточности повторов и придать тексту смысловую многоплановость, актуализировать семантику предложения, строфы, иногда целого стихотворения.

Синонимы как основа семантического повтора в поэтических произведениях М. Цветаевой могут быть как однородными членами предложения, так и не однородными, по занимаемой позиции в предложении – контактными (*Чтобы дочку не вытывывали* / *Тайную* / *Скрытную* – Чародей, 1914) или дистантными (*Текут реки, катятся* – Молодец, 1922).

Языковые или полные синонимы не обнаруживают никаких семантических различий, т. е. не различаются ни в денотативном, ни в сигнификативном, ни в прагматическом, ни в синтаксическом плане. – *Пропал! Исчез!* / *Стар материнский страх* (Читатели газет, 1935) Глаголы

пропасть, исчезнуть в словаре синонимов русского языка стоят в одном синонимическом ряду и определяются как равные друг другу “Слова *пропасть, исчезнуть* обозначают как окончательную пропажу, бесследное исчезновение кого-, чего-л, так и отсутствие кого-, чего-л где-л при возможности найти, обнаружить в другом месте” (Словарь синонимов русского языка в 2 т [Текст] / Под ред А П Евгеньевой – М, 2003 – Т 2 – С. 294) Синонимический повтор усиливает воздействующую функцию поэтических строк, их необыкновенную эмоциональность

Об *экспрессивно-стилистической синонимии* мы говорим в том случае, если означаемые двух слов совпадают во всём, кроме их прагматического уровня Экспрессивно-стилистические синонимы всегда имеют разговорный, часто просторечный характер, поэтому в художественных произведениях используются как элемент стилизации М Цветаева прибегает к стилистической синонимии в тех случаях, когда поэтическому тексту необходимо придать черты народной песни, были, сказания Например, в стихотворной сказке “Молодец” (1922) наличие синонимов стилистически сниженной окраски в речи матери Маруси характеризует её как женщину необразованную, из крестьянской или рабочей среды – *Вставай, дочка! / Братцу худо! / – Вставай, душу / Отдать хочет! / – Молись, дочка / Братец помер*

М Цветаева одновременно с передачей особенностей речи матери акцентирует внимание читателя на предсмертной агонии брата Маруси, т к вместо нейтрально окрашенного глагола *умирать*, она употребляет фразеологическую единицу (ФЕ) *отдать богу душу*, которая имеет усилительное значение В словаре синонимов глагол *помереть / помирать* дается с пометой *разговорное*, а выражение *отдать богу душу – устаревшее*. Слова *умереть, помереть* и ФЕ *отдать богу душу*, как и все другие слова и выражения данного синонимического ряда, имеют значение “находиться в состоянии перехода от жизни к смерти” (Словарь синонимов русского языка в 2 т [Текст] / Под ред А П Евгеньевой. – М, 2003 – Т 2 – С 614), но только они характеризуют процесс умирания как более длительный и постепенный Именно на длительный и мучительный процесс умирания брата Маруси указывает синонимический ряд *худо – отдать душу – помер*, из которого *отдать душу* и *помереть* являются языковыми синонимами, а слово *худо* можно считать косвенно-языковым синонимом по отношению к двум последним Слово *худо* в словаре синонимов зафиксировано в другой синонимической цепочке *зло – худо (разг) – лихо (устар)* “Всё, что является вредным, разрушительным, что причиняет горе, страдание” (Там же, с 401), таким образом, возникает повтор итеративной семы “физического и духовного разрушения”

Антонимы как основа семантического повтора образуют стилистические фигуры 1) антитезы Через ночь, неволи – / Белый день свободы! (Стихи к Чехии, 1938); 2) оксюморона Он был наш ангел, был наш демон (Чародей, 1914), 3) усиления. Стоит трезв, как пьян / – Уж ты дар мой ждан (Молодец, 1922)

Семантический повтор на основе корреляции '*несовместимости* строится на соединении слов, которые не могут в один и тот же момент времени характеризовать один и тот же предмет или явление Жена с мужем – / Одна пропасть! (Молодец, 1922), Будут девками ваши дочери / И поэтами – сыновья! (Поэма Горы, 1924) Денотаты слов *жена – муж, дочери – сыновья*, связанных отношениями несовместимости, не пересекаются, но сигнификаты их имеют общую часть – совокупность признаков, составляющих сигнификат их общего гиперонима – “семья, члены семьи, супруги, дети одних родителей”

Основу собственно синтаксического повтора составляет повтор синтаксической структуры предложения или словосочетания – синтаксический параллелизм **Лексико-синтаксический** повтор строится на частичном или полном повторении лексического содержания в рамках той или иной синтаксической структуры

Лексико-синтаксический повтор союзов имеет разную функциональную направленность, но общей для них всех является композиционная функция Повтор сочинительного союза *и* в поэзии М Цветаевой является одним из наиболее употребительных Главное назначение данного союза заключается в использовании его в качестве соединительного, скрепляющего средства Однако повторяющийся союз *и* не лишен собственной семантики Ярким примером повтора союза *и*, сочетающего в себе значение «перечисления» и «исчерпанного множества» (Урысон, Е В Русский союз и частица *и* структура значения [Текст] / Е В Урысон // Вопросы языкознания – 2001 – № 3 – С 101), является стихотворение М Цветаевой, посвященное А Блоку И желтый-желтый – за синюю рожей – крест, / И сладкий жар, и такое на всем сиянье, / И имя твое, звучащее словно ангел (И тучи оводов вокруг равнодушных кляч, 1916)

В данном стихотворении имеют место разные виды синтаксического повтора Во-первых, синтаксический параллелизм всё стихотворение (2 строфы) состоит только из номинативных предложений, при этом последующее предложение структурно полностью повторяет предыдущее Во-вторых, каждое предложение соединено с предыдущим союзом *и*, который является анафорически действующим принцип единоначалия М Цветаева избирает как раз для того, чтобы подчеркнуть структурную незавершенность и показать, что данный ряд номинативных предложений

можно продолжить и и содержание каждого из них значимо Повтор союза *и* имеет значение перечисления во всех предложениях, за исключением последнего Этому способствуют слова одной тематической группы (деревенский пейзаж), синтаксический параллелизм и перечислительная интонация Значение исчерпанного множества повтор союза *и* приобретает в двух последних предложениях, когда М Цветаева переключает внимание читателя с описания деревенских просторов на А Блока, чье творчество было так или иначе связано с деревней или чье имя вспоминается автору всегда, когда он любит деревенской природой и деревенским укладом жизни Особенность диалога между поэтом и читателем состоит в том, что М Цветаева предоставляет нам возможность самим домыслить, досказать, дополнить ее стихотворение, но смысловой акцент ясен – интонационно выделено “и имя твоё”

Лексический повтор с синтаксическим распространением относится к конструкциям экспрессивного синтаксиса Впервые такой вид повтора выделили Е А Иванчикова и Г Н Акимова “Структурные особенности этих повторов заключаются в синтаксическом распространении повторенной словоформы, что добавляет новую информацию и обогащает повествование” (Акимова, Г Н Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г Н Акимова – М, 1990 – С 129) Повторяемая лексема может подвергаться как сочинительному (*Любовь есть шов Шов, а не перевязь* (Поэма конца, 1927), *Бредут слепцы Калужскую дорогой, – / Калужской – песенной – привычной* (Над синевой подмосковных рощ, 1916)), так и подчинительному распространению (*В сапогах, подкованных железом, / В сапогах, в которых гору брал* (Маяковскому, 1930), *Дверь явно затихла, / Как дверь, за которой гость* (Поэма воздуха, 1935)), при этом субстантивные группы встречаются в поэтических текстах данного автора чаще глагольных групп Степень экспрессии зависит также от контактного или дистантного расположения повторяемых слов / словоформ

По месту повтора в предложении выделяются следующие группы

1) вертикальный повтор в начале предложения – анафора *Сколько мчащих сандалий!* / *Сколько пылущих зданий!* (Беглецы? – Вестовые?, 1922) Анафорически может повторяться не только слово, но и словосочетание Анафора организует предложения в единое целое, часто создает параллелизм предложений и, подчеркивая повторяющееся слово, выделяет главное в предложении

2) повтор срединной части строки / стиха – *симплога* *Радуга двойная слава, / Зарево двойная смерть* (Спят, не разнимая рук, 1918)

3) повтор в конце предложения – *эпифора* *А быть или нет / Стихам на Руси – / Потоки спроси, / Потомков спроси* (Не нужен твой стих, 1931)

Так же, как анафорический повтор, эпитофа призвана выделять семантически важное слово или словосочетание.

4) *сплетение*, или сочетание анафоры с эпитофой: *Та – риз моих, та – бус моих, / Та – глаз моих, та – слез моих* (Дом, 1931) Сплетение способствует появлению особой выразительности семантически важные слова концентрируют на себе внимание читателя

Место повторяющейся единицы в предложении / строфе почти всегда оказывает влияние на её семантику Наиболее заметно это в охвате, стыке и кольцевом повторе

5) повтор одной и той же единицы в абсолютном начале и в абсолютном конце строки / строфы – *охват* *Народ – такой, что и поэт – / Глашатай всех широт, – / Что и поэт, раскрывши рот, / Стоит, – такой народ!* (Народ, 1939)

6) повтор целого предложения в начале и в конце строфы – *кольцевой повтор* / *колюр* *Мне тебя уже не надо, / Милый – и не оттого что / С первой почтой – не писал / И не оттого что эти / Строки, писанные с грустью, / Будешь разбирать – смеясь < . > / Оттого что – оттого что – / Мне тебя уже не надо!* (Мне тебя уже не надо, 1918)

7) повтор одной и той же единицы в конце одного и в начале другого предложения – *подхват* / *стык (анадиплозис)*. *Пошли мне сад на старость лет / На старость лет, на старость бед.* (Сад, 1934) В подхвате повторяющаяся единица расширяет своё значение не в процессе повтора, а после него, в новом предложении

8) *хиазм* – “один из выразительнейших способов создания антитезы, эффект которой основывается на сталкивании противоречащих друг другу значений” (Люксембург, А М, Рахимкулова, Г Ф. Магистр игры Вавиан Ван Бок (Игра слов в прозе В Набокова в свете теории каламбура) [Текст] / А.М. Люксембург, Г Ф. Рахимкулова – Ростов н/Д, 1996 – С 83) *С тобой, нелепейшая роскошь, / Роскошная нелепость – страсть!* (Моё последнее величье, 1917).

В главе 3 «Своеобразие повтора в поэтических произведениях Р.М. Рильке» проведен анализ языкового повтора в поэтических текстах Р М Рильке, а также на основе типологических особенностей русского и немецкого языков прослежено их отражение в поэтике повтора

Фонетический повтор в поэзии Р М Рильке является изобразительно-выразительным, рифмо- и ритмообразующим средством Ранние стихотворения поэта сочетают в себе варьирующий ритмический рисунок, строфическую форму, рифму и большое количество звуковых повторов *Ассонансы, аллитерации* способствуют раскрытию темы стихотворения, вокализации и гармонизации поэтического текста . *verarmt im Abend die Allee, / die Apfel ängsten an den Asten* (Im flachen Land

war ein Erwarten ,1897), *ein großes, hohes Tor* (Verkündigung, 1906),
und lauschen lang und lacheln leer (Die blonden Schwestern flochten froh ,
1898)

Кроме сонорных и звонких согласных звуков, которые по своим артикуляционным свойствам похожи на гласные, в стихотворениях Р М Рильке часты аллитерации, основанные на повторении глухих согласных, особенно звука [h] *Himmel und Heide und Haus* (Eine Stunde vom Rande des Tages, 1899), *die letzte Huld und der letzte Haß* (Das jungste Gericht, 1906), *über Hürde, Hang und Hindernis* (In der Certosa, 1906) Немецкая фонема [h] – это глухой щелевой зевный согласный, в русском языке аналогичной фонемы нет. Слабый шум – главный элемент в образовании данного звука В поэтических текстах Р М Рильке однородный ряд существительных, объединён не только лексически, но и фонетически В зависимости от положительной или отрицательной окраски семантики данного ряда, аллитерация со звуком [h] воспринимается то как приятный шумовой фон (*Himmel* “небо”, *Heide* “степь” und *Haus* “дом”), то как гораздо более интенсивное и неприятное гортанное шипение (*Hürde* “барьер, изгородь”, *Hindernis* “препятствие”, *Haß* “ненависть” и т п) Звук [h] в этом случае мотивирован у реципиента возникает едва ощутимое, но постоянное чувство опасности

Полная рифма влияет на упорядоченность, автоматизм структуры или ведет к её нарушению Ранние стихотворения Р М Рильке организованы таким образом, что слова, стоящие в фонетически сильной позиции в конце строки по звуковому составу почти одинаковы, могут различаться одним – двумя звуками, т е фонетически уподобляются друг другу “*Gesange – Gange*”, “*wissen – wessen*” (*Die Mädchen am Gartenhange*, 1898), “*Lachen – machen – Wachen*” (*Wenn es nur einmal so ganz still wäre*, 1899) Такие звуковые повторы не становятся в тексте смыслообразующими, их нельзя отнести к явлению паронимии или паронимической аттракции, они выступают как рифмообразующее средство

К повтору на **словообразовательном** уровне в поэзии Р М Рильке, кроме корневого и аффиксального, относится повторение частей сложного слова Актуализация лексического значения однокоренных слов происходит за счет неоднократного повторения их общего корня Содержание лексических единиц, обнаруживающееся при корневом повторе в составе простых и производных ^{слов} в поэтических текстах Р.М Рильке, семантический объём которых предполагает использование в качестве компонента ассоциативной связи общую сему, способствует усилению выразительной силы отрывков поэтического текста или всего текста *Ist da ein Lied, ein krankes, kleines, / das dich am Micherhoren stört, – /*

auch ich bin eines, höre meines, / das einsam ist und unerhort (Ich bin derselbe noch, der kniete, 1901) Корневой повтор в глаголе *höre*, отглагольном существительном *Mischerhören* и наречии *unerhort* актуализирует значение корня “интеллектуально воспринимать на слух”

Немецкому словообразованию свойственно образование новых слов путём сложения двух или нескольких слов в одно сложное РМ Рильке активно пользуется возможностью употребления сложных и сложнопроизводных слов в своих поэтических произведениях; ведь чем их в стихотворении больше, тем насыщенной и сложней становится его семантика Иногда с целью раскрытия темы и идеи стихотворения РМ Рильке употребляет окказиональные сложные слова *Ein Rascheln ist und ein Zusammenraffen / in allen den geborstenen Gebäuden, / ein Sichertgelten und ein Sichvergeuden, / ein Sichbegatten und ein Sichbegaffen* (Das jüngste Gericht, 1906) РМ Рильке, прибавляя к лексемам *Entgelten* “искупление, вознаграждение”, *Vergeuden* “расточительство”, *Begatten* “оплодотворение” и *Begaffen* “лобование” повторяющееся возвратное местоимение *sich*, изменяет их значение и актуализирует сему “процесса, направленного на человека” *Sichertgelten* “самоискупление”, *Sichvergeuden* “саморасточительство” и т.д. Таким образом, приведённый ряд однородных субстантивированных глаголов с повтором *sich* можно отнести к одному из видов языковой игры, которую поэт использует не с целью создания комического эффекта, а с целью обогащения узуального слова новым смыслом в поэтическом контексте.

Повторы глаголов или причастий с одинаковыми приставками в поэтических текстах РМ Рильке составляют большинство *Ich gehe immer von Tor zu Tor, / verregnet und verbrannt* (Das Lied des Bettlers, 1906)

В данном примере отглагольные причастия *verregnet* “пострадавший от дождя”, *verbrannt* “сосланный, изгнанный”, образованные при помощи приставки *ver-*, имеют общую сему “жизненной неустроенности, тоски, одиночества”.

Формообразующий повтор объединяет однокоренные слова, находящиеся в отношениях грамматической оппозиции В поэтических текстах РМ Рильке имеют место следующие соотношения глагольных, субстантивных и адъективных форм

1 Соотношение форм настоящего и прошедшего времени (Perfekt) глагола: *Denn ihm tut niemand, wie er mir getan* (Ich bin nicht Der Bruder hat mir was getan. , 1899) Перфект является сложным прошедшим временем, которое образуется при помощи вспомогательного глагола *haben / sein* и причастия II основного глагола В данном примере глагол *tun* “делать” в первом случае стоит в форме настоящего времени, во втором – в форме причастия II, но без вспомогательного глагола *haben* (*hat*) Сделано это

автором, вероятно, для того, чтобы приблизить письменную нормированную речь к речи устной, в которой допускаются некоторые исключения

2 Соотношение форм действительного и страдательного залога глагола *alles Leben wird gelebt < > Lebst du es, Gott, – das Leben?* (Und doch, obwohl ein jeder von sich strebt ., 1901) Такое употребление в одном контексте разных залоговых форм глагола leben “жить” актуализирует идею принадлежности человеческой жизни богу, подчеркивает пассивное, не зависящее от человека, течение жизни и активное проживание жизни богом Столкновение форм действительного и страдательного залога глагола leben способствует восприятию читателем мысли о его собственной жизни как о чем-то предначертанном свыше, фатальном

3 В одной строфе могут сочетаться так же действительная и страдательная формы причастий Причастие первое (Partizip I) имеет значение действительного залога, причастие второе (Partizip II) – значение страдательного залога В приведённом ниже примере причастия функционируют как субстантивированные *gedacht, dass irgend ein Madchen, / dem der Geliebte entging, am gesteigerten Beispiel / dieser Liebenden fühlt* (Die erste Elegie, 1912) РМ Рильке при помощи повтора корневой морфемы lieb актуализирует в причастии I её активное значение Liebende – “любящие”, а в причастии II её пассивное значение der Geliebte – “возлюбленный, любовник”

4 Приоритетность какого-то одного предмета из множества подчеркивается конструкцией “сущ в В п ед ч + сущ в Р. п мн ч” *du Ding der Dinge* “вещь из вещей” (Wenn ich gewachsen wäre irgendwo ,1899), *als Rose der Rosen* “роза из роз” (Der Ast vom Baume Gott, der über Italien reicht , 1899)

Философским стихотворениям РМ Рильке присущи размышления лирического героя о боге, смысле жизни, жизни телесной и духовной, часты мысленные диалоги лирического героя с богом В такой поэзии для РМ Рильке важными становятся лексические повторы существительных Gott / Götter “Бог”, Jesus, Christi, Vater “Отец, Всевышний” или местоимения Du “ты” *Mein Gott, mein Gott – was hast du mich verlassen?* (Jahrmarkt, 1897), *Mein Leben ging – Herr Jesus / Sag mir, Herr Jesus, wohn?* (Nonnen-Klage, 1910), *Du bist der Alte, dem die Haare / von Ruß versengt sind und verbramt, / du bist der große Unscheinbare, mit deinem Hammer in der Hand / Du bist der Schmied, das Lied der Jahre, / der immer an dem Amboss stand* (Du bist der Alte, dem die Haare, 1901) В последнем примере РМ Рильке вместе с неоднократным повторением местоимения du раскрывает образ бога и подчеркивает его силу и могущество за счет метафорических

повторов *der Alte, der große Unscheinbare, der Schmied* в составе СПП с придаточным определительным

Иногда внутренние противоречия лирического героя, его нежелание смириться с могуществом бога находят выражение в таком употреблении существительных, при повторении которых наблюдаются изменения их значения с положительного на отрицательное *Das ist der Vater uns Und ich – ich soll / dich Vater nennen?* (Und seine Sorgfalt ist uns wie ein Alb, 1901) Vater “отец” в вопросительном предложении свидетельствует о сомнениях лирического героя называть бога отцом, т е за счет повтора Vater в эмфатическом значении и с вопросительной интонацией передается своеобразный протест, нежелание героя мириться с таким богом, которого он должен называть отцом, но который не достоин этого

Явление антанаклазы присуще многозначным словам, которые обладают более или менее широкими возможностями сочетаемости с другими словами Иногда слово, повторяясь в одной строфе, реализует разные оттенки одного значения или несколько разных значений В приведенном ниже примере повторяющийся глагол ziehen (в форме Imperfekt zog), с одной стороны, относится к повторам лексического уровня языка, с другой – образует фигуру с ослаблением тождества смысла при сохранении формы *Wer nur immer kuhn sein Schwert zog, / Halt den Schild von Schande rein, / Wer noch gestern unterm Heer zog, / Herzog kann er morgen sein* (Kriegsknechts-Rang, 1895)

Глагол ziehen является одним из самых многозначных глаголов в немецком языке В Большом немецко-русском словаре К Лейна он отмечен как переходный, непереходный и безличный и имеет в общей сложности 26 значений При первом упоминании в строфе глагол ziehen / zog имеет значение “вынимать из ножен”, на это нам указывает его сочетаемость с существительным *das Schwert* “меч” При втором упоминании данный глагол употребляется уже в значении “двигаться, тянуться, тащиться” с сочетанием с существительным *unterm Heer* “среди массы, толпы”

Кроме антанаклазы, данный отрывок стихотворения содержит в себе семантический и фонетический повторы Смыслообразующим элементом последних двух строк является обыгрывание слов *Heer zog* и *Herzog*, а смысловым конкретизатором – семантический повтор *gestern / morgen* “вчера / завтра” на основе контрарной антонимии

Для стилистической манеры РМ Рильке языковая игра не характерна случаи ее возникновения настолько редки, что, бесспорно, сразу заслуживают особого к себе отношения РМ Рильке неслучайно сталкивает в одном контексте омонимичные друг другу слова *Heer zog* и *Herzog* Данные омофоны употреблены не с целью создания комического

эффекта, а с целью раскрытия темы стихотворения война – это именно то время, когда любой солдат может сделать стремительную карьеру и заслужить себе почести и привилегии. В более общем смысле эти омофоны указывают на непредсказуемое развитие человеческой судьбы во время войны

Усилению признака способствуют повторы *прилагательных die gleichen Striche und die gleichen Strahlen* (Wir dürfen dich nicht eigenmächtig malen, 1899) Иногда при повторении прилагательное реализуется в другом значении *Und sein großer Schmerz, / ist, wie sein großer Jubel, uns zu groß* (Für Frau Agnes Renold, 1926) В словосочетании *sein großer Schmerz* прилагательное употреблено в значении “сильный”, во втором словосочетании *sein großer Jubel groß* имеет значение “большой”.

Иногда в поэзии РМ Рильке встречается такое употребление языковых единиц, которое способствует их деавтоматизированному восприятию и выходит за рамки узуального, например *Was war denn das Meine, Meines, Mein?* (Das Lied der Witwe, 1906) Здесь мы наблюдаем контактный лексический повтор *притяжательного местоимения* *mein* “мой”, лексическое значение которого сохраняется во всех трех случаях, а грамматическая оформленность разная в первом случае местоимение выполняет роль существительного (*das Meine* – заглавная буква М и определенный артикль указывают на субстантивацию), во втором – как притяжательное местоимение, которое замещает существительное, т. е. употреблено без него, в третьем – как притяжательное местоимение, которое должно выступать в качестве определения, следовательно, предполагает согласование с существительным среднего рода в форме единственного числа, именительного или винительного падежа, но такое существительное здесь отсутствует. Отметим, что лексический повтор местоимения *mein* в какой-то степени способствует раскрытию темы стихотворения. “Das Lied der Witwe” (“Песнь вдовы”) представляет читателю собирательный образ женщины, оставшейся без поддержки мужа и потерявшей жизненный стержень. Неоднократное повторение местоимения *mein*, написанного во всех трёх случаях с большой буквы, и отсутствие при нём существительного, указывает на желание этой женщины иметь в жизни хоть что-то своё, только ей принадлежащее. Постоянная нужда и одиночество заставляют её обращаться к судьбе с вопросом *Was war denn das Meine, Meines, Mein?* Именно поэтому на первый план в данном вопросе выходит эмфатически подчеркнутое и абстрактное значение принадлежности, а не предметности ни один предмет, выражаемый существительным, в этом вопросе не был назван

Из ряда семантических повторов выделяется повтор *контекстуальных синонимов*. В примере *In langen Hausern wohnen Nonnen*,

/ *Schwarzschwestern, siebenhundertzehn* (Du bist das Kloster zu den Wundenmalen, 1901) Р М Рильке, контактно повторяя Nonnen “монахини” и Schwarzschwestern “чёрные сёстры”, актуализирует ассоциативный план стихотворения. При упоминании существительного *монахиня, монахини* у реципиента автоматически возникает ассоциация, связанная с женщиной, облачённой в черную рясу, поэтому существительное *Schwarzschwestern* является контекстуальным синонимом по отношению к существительному *Nonnen*.

Семантический повтор на основе комплементарной антонимии часто обыгрывает глаголы *leben* “жить” и *sterben* “умереть”. Например, в строке *Du sagtest leben laut und sterben leise* (Ich lese es heraus aus deinem Wort , 1899) в антонимические отношения вступают не только выделенные самим Р М Рильке курсивом глаголы *leben – sterben*, но и наречия *laut* и *leise*. Данные наречия, представляющие собой контрарные антонимы, усиливают идею сохранения жизни как высшей человеческой ценности.

Довольно распространённую антитезу образуют существительные *der Freund* “друг” и *der Feind* “враг” внутри перечислительного ряда, соединённые союзом *und* / и *Und draußen ist Alles der Tag und der Tal / und der Freund und der Feind* (Reitet der Ritter in schwarzem Stahl, 1902). В данном случае имеет место горизонтальный и вертикальный повтор союза «und».

Родо-видовые отношения (“часть – целое”) проявляются в отрывке, где целое – это *Haus* “дом”, а части – *Türen* “двери”, *Wände* “стены”, *Gänge* “проходы”. Форма множественного числа существительных указывает на размер дома (= “огромный дом”), полная рифма создаёт гармонию стиха *Die Nacht ist wie ein großes Haus / und mit der Angst der wunden Hande / reißen sie Türen in die Wände, – / dann kommen Gänge ohne Ende .* (Ich bin derselbe, der kniete, 1901).

В рамках корреляции семантической и словообразовательной *производности* в поэтических произведениях Р М Рильке распространены такие актантные корреляции, как 1) действие – субъект действия (*O Gott, mich lachten alle Lacher / und alle Trinker tranken mich* (Ich bete wieder, du Erlauchter , 1901)), 2) действие – объект действия (*Keiner lebt sein Leben* (Ich bin nur einer deiner Ganzgeringen . , 1901)), 3) инструмент действия – результат действия (*Moskau mit Glocken wie Erinnerungen, – / und Klang wird dein sein* (Und du erbst das Grün ..., 1901)) и др.

Синтаксический повтор в поэзии Р.М. Рильке строится, в основном, на параллелизме словосочетаний, частей простого предложения, однородных членах предложения. В большинстве случаев части простого предложения, предложения в составе ССП или однородные придаточные

предложения в составе СПП соединены повторяющимся союзом Наиболее распространенными союзами в поэтических текстах Р М Рильке являются *oder* “или”, *als* “когда, как, в качестве”, *als ob* “как будто”, *wie* “как” Как правило, все повторяющиеся союзы вынесены Р М Рильке в абсолютное начало строки *ich bin blind / oder ich bin im Begriff es zu werden / oder es geht mir nicht gut auf Erden / oder ich habe ein krankes Kind* (Die Stimmen, 1906) Данный отрывок стихотворения Р М Рильке представляет собой смысловое и интонационное целое, которое состоит из нескольких простых предложений, соединенных союзом *oder* “или” На основе лексико-синтаксического анафорического повтора союза *oder* возникает синтаксический параллелизм конструкций, выполняющий уточнительную, разъяснительную функцию и дающий лирическому герою альтернативную характеристику; он создает также фигуру усиления, ритмичности – полисидентон

Для выявления сходства и различия в употреблении М Цветаевой и Р М Рильке языкового повтора, обусловленных лингвистическими и экстралингвистическими факторами, был проведен анализ ста строк из поэтических произведений каждого автора Подсчеты осуществлялись по результатам сплошной выборки и составили следующее соотношение общее количество повторов в стихотворениях М Цветаевой (1936 – 1939 гг.) – 151, в творчестве Р Рильке (1922 г.) – 81 Из них на фонетическом уровне языка у М Цветаевой – 70, у Р М Рильке – 14, на словообразовательном уровне 13 и 14, на лексическом уровне 33 и 37, на семантическом 13 и 5, на лексико-синтаксическом 18 и 5, на синтаксическом 4 и 6 соответственно

Из ряда фонетических повторов в поэзии М Цветаевой выделяется повтор с полной рифмой (41), а также сочетание аллитерации и ассонанса (27) Обилие фонетических повторов у М Цветаевой объясняется, в частности, разветвленной системой падежных окончаний в русском языке, чего нет в немецком языке, т е фонетические особенности поэтики сталкиваются у неё с морфологическими, которые предлагает ей родной язык В поэтических текстах Р М Рильке с развитием свободного стиха звуковой повтор на основе полной рифмы – явление довольно редкое (2), в качестве гармонизирующего средства выступает ассонанс (12)

Лексический повтор в поэзии М Цветаевой и Р Рильке образует самую многочисленную группу в поэтических текстах М Цветаевой их 33, в поэзии Р Рильке 37 Абсолютное большинство при этом составляют дистантные повторы, лишь у М Цветаевой контактный горизонтальный повтор не менее значим

На лексико-синтаксическом уровне языка М Цветаева отдаёт предпочтение анафоре (7) и повтору целого предложения (6), Р М Рильке

– синтаксическому параллелизму (6) – сказываются индивидуальные предпочтения авторов

Из представленных выше данных видно, что для М Цветаевой наиболее значимыми являются фонетический и лексический повторы, для Р М Рильке первостепенное значение имеет лексический повтор

Различия, в основе которых типологические особенности русского и немецкого языков, связаны также с порядком слов – в основном, постоянном в немецком языке Так, в сложных сказуемых инфинитив стоит в немецком предложении в конце его и, следовательно, участвует часто в создании рифм, фонетически близких, с повтором сонорного (-en)

В заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования языковых повторов в поэтических текстах М Цветаевой и Р М Рильке.

Приложение включает две таблицы “Классификация видов повтора по уровням языка” и “Количественное соотношение различных видов повтора в поэзии М Цветаевой и Р М Рильке”

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях

1 Куликова, З П Повтор как одно из основных средств языковой игры в поэзии М Цветаевой [Текст] / З П Куликова // Наука и образование – Ростов н/Д: РГПУ, 2002 – № 3 – 0,2 п л

2 Куликова, З П Словообразовательный повтор в поэзии М Цветаевой [Текст] / З П Куликова // Функционально-системный подход к исследованию языковых единиц разных уровней Всероссийская научная конференция, посвящ юбилею проф Ю Н Власовой – Ростов н/Д: РГПУ, 2004 – 0,2 п л.

3 Куликова, З П Функциональные особенности повтора в поэзии М Цветаевой и Р М. Рильке [Текст] / З П Куликова // Язык Дискурс Текст II Международная научная конференция, посвящ юбилею проф Г Ф Гавриловой. Труды и материалы Ч I – Ростов н/Д: РГПУ, 2005 – 0,2 п л

4. Куликова, З П Функциональные особенности лексического повтора в поэзии М Цветаевой и Р М Рильке [Текст] / З П Куликова // Гуманитарные и социально-экономические науки – Ростов н/Д: СКНЦ, 2006 – № 3 – 0,4 п л

Подписано в печать 16.04.07 Формат 60x84 1/16
Офсетная печать Объем 1,0 усл печ л Тираж 100 экз Заказ № 98

ИПО ПИ ЮФУ
344082, г Ростов-на-Дону, ул Б Садовая, 33